

ФРЕДРИК БРАУН

чай, кофе
и убийства

ФРЕДРИК БРАУН

САМОЕ ОБЫКНОВЕННОЕ УБИЙСТВО

ГДЕ ТЕБЯ НАСТИГНЕТ СМЕРТЬ?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Серия «Чай, кофе и убийства»

Fredric Brown

THE FABULOUS CLIPJOINT
DEATH HAS MANY DOORS

Перевод с английского *Н. Виленской*

Серийное оформление *В. Воронина*

Оформление обложки *В. Лебедевой* и *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Scott Meredith Literary Agency.

Браун, Фредрик.

Б87 Самое обыкновенное убийство; Где тебя настигнет смерть? : [романы] / Фредрик Браун ; [пер. с англ. Н. И. Виленской]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-102038-5

«Самое обыкновенное убийство».

Первый роман из серии о семейном детективном агентстве Хантеров.

Отец юного Эда Хантера, простой наборщик из типографии, отправился обмыкать получку, а утром был найден убитым в переулке. Полиция считает расследование бесперспективным, и тогда Эд вместе с дядей, «карнавальщиком» Эмброузом Хантером, начинают самостоятельные поиски убийцы. Из рассказов дяди Эд с изумлением узнает о бурной молодости отца...

«Где тебя настигнет смерть?».

Однажды в жаркий августовский полдень в детективное агентство «Хантер и Хантер» обращается за помощью очаровательная рыжеволосая красotka Салли Доуэр. Эд Хантер и его дядя Эм решительно отказывают девушке, когда она объясняет, что ее хотят убить... марсиане. Однако девушка так мила и так сильно расстроена, что Эд Хантер соглашается провести с ней один вечер, чтобы она хоть ненадолго почувствовала себя в безопасности...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Fredric Brown, 1947, 1951

© Перевод. Н. Виленская, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-102038-5

Самое
обыкновенное
убийство

Глава 1

Мне снилась витрина ломбарда — того, что на западной стороне Северной Кларк-стрит, недалеко от Гранд-авеню. Я просунул сквозь стекло руку к серебряному тромбону — все остальные вещи в витрине казались расплывчатыми, — но так и не дотронулся до него. Услышал, как сзади распевает Гарди, и оглянулся.

Она прыгала через скакалку по тротуару. Как в прошлом году, до того, как перешла в среднюю школу. До того, как начала интересоваться мальчишками, пудриться, красить губы. Ей нет еще и пятнадцати — она на три с половиной года моложе меня. Во сне Гарди тоже была наштукатурена будь здоров, но при этом скакала через веревочку и распевала, как маленькая: «Раз, два, три, О’Лири, четыре, пять, шесть, О’Лири, семь, восемь...»

Но я уже просыпался, находился в том смутном состоянии, когда не поймешь, где сон, а где явь. Рядом грохочет надземка, кто-то идет по коридору за стенкой квартиры. Потом шум поезда затихает. Будильник на полу у кровати тикает, похоже, сейчас зазвонит.

Я прихлопнул его и постарался больше не засыпать. Ну, тромбон, понятно, мне хотелось его иметь,

а Гарди при чем? Пора, однако, вставать. Прошлым вечером папа пошел обмывать получку, и когда я ложился спать, его еще не было. Теперь, небось, не добудишься.

На работу идти не хотелось. Сесть бы сейчас в поезд и махнуть в Джейнсвилл, на карнавал, к дяде Эмброузу. Я не видел его десять лет, с самого детства, и даже не вспоминал о нем, но вчера папа сказал, что на этой неделе карнавал Хобарта приезжает в Джейнсвилл, совсем рядом с Чикаго — взять бы, мол, выходной да съездить. А мама (она не родная мне, мачеха), по обыкновению, надулась и спросила, на кой ему сдался этот обормот, его братец. Мама не любит дядю Эмброуза, потому-то мы и не видались с ним десять лет. Конечно, я мог бы поехать, но потом ведь это мне боком выйдет — не стоит оно того.

Я слез с кровати, пошел в ванную, умылся, чтобы проснуться окончательно. В ванную я всегда иду первый, потом одеваюсь, бужу папу, готовлю нам завтрак, и мы вместе отправляемся на работу. Папа у меня наборщик в типографии «Элвуд пресс» и меня устроил туда же учеником.

В семь часов утра жарница была уже адова, оконная занавеска не колыхалась, дышалось и то с трудом. Я на цыпочках прошел через холл к родительской спальне. Дверь в комнату Гарди была открыта, и я невольно к ней заглянул. Гарди спала на спине, раскинув руки. Лицо без косметики выглядело совсем детским и слегка туповатым, плохо сочетаясь с ее круглыми твердыми грудками (из-за жары она спала без пижамной куртки). Когда Гарди вырастет, бюст у нее, возможно, станет слишком большой, но сейчас он красивый. Она это

знает и очень гордится им. Все свитера у нее в обтяжку.

Растет Гарди быстро. Хорошо бы и мозги не отставали от тела, иначе ее обрюхатят еще до пятнадцати лет.

Она и дверь-то, поди, оставила открытой, чтобы я ее увидел так. Гарди — моя сводная сестра, мамина дочь. Я был восьмилетний парень, а она четырехлетняя малышка, когда папа женился снова. Моя родная мать умерла.

Да уж, Гарди не упускает случая поддразнить меня. Только и ждет, чтобы я начал к ней приставать, а она тогда подымет целую бучу. А, ну ее к черту! Нечего обращать внимание.

Я поставил чайник на огонь, тихонько постучал в дверь к родителям и стал слушать, не шевелится ли папа. Да, как же, зашевелится он. Придется будить. Я очень не любил заходить к ним в спальню, но делать нечего. Я постучался еще раз и открыл дверь. Папы в кровати не было, а мама спала одетая, только туфли скинула. В лучшем своем платье из черного панбархата — оно же ей впрытык, неудобно так спать. Растрепанная, косметика вся размазана, на подушке помада. И вином разит. На комодке бутылка без пробки, почти пустая.

Папы вообще нет в комнате, мамины туфли валяются в дальнем углу.

Значит, он так и не вернулся домой.

Я тихо прикрыл дверь, постоял немного и пошел его искать — как тот утопающий, что хватается за соломинку. Вдруг он явился пьяный и уснул где-нибудь на стуле или вообще на полу? Я обшарил

всю квартиру, и под кроватями смотрел, и в шкафах. Глупо, конечно. Все осмотрел на совесть и нигде его не нашел.

Чайник уже выкипал. Я потушил горелку и подумал — нет бы сделать это еще до поисков. Скорее всего папа выпивал не один, а с кем-нибудь из наборщиков. У него и заночевать мог. Нет, папа умеет «держаться» выпивку и никогда не напивается в хлам.

И все-таки... Может, с Банни Уилсоном? Банни работает в ночную смену, но вчера у него был выходной. Папа часто с ним водит компанию, и он пару раз у нас оставался: выйдешь утром, а он спит на диване. Не позвонить ли в пансион, где Банни живет? Я двинулся к телефону, но остановился. Тут ведь стоит только начать: потом придется и в больницы звонить, и в полицию. Мама с Гарди проснутся. Ну и что, казалось бы? Нет уж, пусть себе спят.

Может, мне просто не терпелось сбежать. Я вышел, спустился на цыпочках до первой площадки, проскакал два других пролета бегом, выскочил на улицу. Звонить я боялся, а действовать требовалось незамедлительно: восемь часов, так и на работу опоздать можно. Хотя какая там работа сегодня. Не пойду я туда... А что же мне тогда делать?

Я прислонился к телефонному столбу, чувствуя пустоту и головокружение. Сначала нужно покончить с неизвестностью. В полицию отправиться? Или прежде все-таки обзвонить больницы? Узнать, конечно, надо, но страшно.

По противоположной стороне улицы медленно ехала машина, в ней сидели двое мужчин. Один разглядывал номера домов. Прямо передо мной они остановились и вышли, каждый со своей сторо-

ны. В штатском, но на каждом как будто крупными буквами написано «коп».

Вот сейчас все и узнаем.

Я вошел в подъезд следом за ними и стал подниматься по лестнице, отставая на один пролет. На третьем этаже один из них посмотрел номера квартир и сказал:

— На следующем, наверное.

Другой повернулся, увидел меня и спросил:

— Эй, парень, на каком этаже пятнадцатая?

— На четвертом. Следующий этаж.

Теперь нас разделяло всего несколько ступенек. Брюки на толстой заднице копа, шедшего сзади, лоснились и туго натягивались на каждом шагу. Только это мне и запомнилось в них обоих.

Они постучали в пятнадцатую квартиру. Я прошел мимо, поднялся на пятый, последний, этаж, снял туфли и тихо спустился обратно до половины — так, чтобы они не заметили. Оттуда я прекрасно все слышал. Вот мама шаркает тапочками, идет к двери. Вот она приоткрыла ее. Часы в кухне тикают. Вот Гарди прошлепала босиком до угла коридора, затаилась там и подслушивает.

— Уоллис Хантер здесь проживает? — Голос копа рокотал, как дальний поезд надземки.

Мама учащенно задышала.

— Вы миссис Хантер? Боюсь, у меня плохие новости, мэм.

— Несчастный случай? Он пострадал?

— Умер, мэм. То есть мы полагаем, что это ваш муж. Вам надо будет опознать... когда сможете. Спешки нет. Мы зайдем и подождем, пока вы не...

— Что случилось? — тихо произнесла она, без всякой истерики.

— Разбойное нападение, — ответил другой, тот, что спрашивал меня про квартиру. — Его убили в переулке часа в два ночи и бумажник забрали, поэтому мы только утром сумели установить... Держи ее, Хэнк!

Но Хэнк не успел. Послышался грохот, Гарди заверещала, полицейские зашли внутрь. С башмаками в руке, я тоже сунулся к двери, но она захлопнулась у меня перед носом. Обувшись, я сел на ступеньку и услышал, что сверху спускается мистер Финк, обойщик мебели, живущий над нами. Я подвинулся, пропуская его, но он, конечно, просто так не прошел.

— Ты чего, Эд?

— Ничего. — Я смотрел на перила, где лежала его мясистая, с грязными ногтями рука.

— С работы погнали, что ли?

— Нет. Все в порядке.

— Старик из дому выставил?

— Слушайте, шли бы вы, а? Оставьте меня в покое.

— Как хочешь. Я просто интересуюсь. Ты ведь парень-то неплохой, бросил бы эту пьянь, своего папашу, так...

Я вскочил и бросился вниз, к нему. В тот момент я мог бы убить его. Финк изменился в лице — никогда не видал, чтобы человек так пугался — и исчез. Я снова сел и взялся за голову.

Вскоре дверь нашей квартиры открылась. Я туда не смотрел, но слышал, как они выходят, все четверо. Когда все затихло, я открыл квартиру своим ключом и снова поставил чайник. Засыпал

кофе в фильтр и встал у окна, глядя на наш залитый цементом двор.

Жаль, что я так плохо знал папу. Нет, мы нормально ладили, просто теперь я с опозданием понял, что недостаточно знал его. Смотрел на него будто издали и думал, что о многом судил неверно.

Взять хоть его пьянство. Не знаю, почему он так пил, но причина определенно была. Кажется, сейчас, глядя в окно, я начинал ее постигать. Отец был тихий и спяну тоже не буйствовал: всего несколько раз я видел, как он злится, и тогда отец был трезв.

Сидишь целый день за линотипом, набираешь рекламные листки компании «Эй энд Пи», статьи об асфальтовых покрытиях и объявления церковного совета, а дома тебя встречают поддатая с полудня, нарывающаяся на ссору стерва-жена и падчерица, потенциальная стервочка. Еще сынок, окончивший школу с хорошими отметками и потому полагающийся, будто он умнее тебя.

Что тебе остается? Идешь пропустить пару стаканов пива, не собираясь напиваться, и все-таки напиваешься. А хоть бы даже и собирался, то что?

Я вспомнил, что у них в спальне висит папина фотография, и решил посмотреть. Снялся он лет десять назад, когда повторно женился.

Я не знал этого человека. И никогда уже не узнаю, потому что он умер.

В половине одиннадцатого мама с Гарди еще не вернулись, и я ушел.

Квартира к этому времени раскалилась как печка, и на улице было ничуть не лучше. Я шагал по Гранд-авеню на запад, под эстакадой надземки.

Проходя мимо аптеки, подумал, что надо бы позвонить в «Элвуд пресс», сказать, что ни меня, ни папы сегодня не будет. А, к черту. Они и так уже сообразили, что мы не придем.

Что сказать, когда я все-таки появлюсь там? Я не знал и вообще не хотел пока ни с кем разговаривать. Не мог представить, что мне придется произнести: «Папа погиб». То же самое и с полицией, и с похоронами. Хорошо, что мама и Гарди еще не вернулись домой. Маме я оставил записку, что еду в Джейнсвилл, сообщить дяде Эмброузу. Уведомить его о смерти единственного брата она мне не запретит.

Эту поездку я придумал, чтобы убраться по-дальше.

С Орлеан-стрит я срезал на Кинзи, потом двинулся через мост и по набережной до вокзала на Мэдисон-стрит. Следующий поезд на Сент-Пол с остановкой в Джейнсвилле отправлялся в одиннадцать двадцать. В ожидании его я пролистал пару утренних газет. О папе ничего не было. В Чикаго за сутки случается, наверное, дюжина подобных происшествий, и типографскую краску тратят только на крупные гангстерские разборки. Подумаешь, замочили пьяного в переулке, да и то скорее всего случайно — слишком сильно треснули по башке. Ни тебе гангстерского следа, ни любовной интрижки.

В морг таких свозят сотнями, и не всех их, конечно, убили. Кто-то прилег поспать на скамейке в Дурдом-сквере*, да так и не встал. Кто-то окочурился на десятицентовой койке или в ком-

---

* Прозвище Вашингтон-сквера, где долгое время выступали многочисленные уличные ораторы. — *Здесь и далее примеч. пер.*

натушке за четвертак; утром смотритель ночлежки обшаривает карманы покойника на предмет того же четвертака, полтинника, бакса и только потом звонит в морг. Это Чикаго, друзья мои.

В комплект входит человек темнокожий, зарезанный в темном закоулке на Халстед-стрит. Девушка, перебравшая морфия в дешевой гостинице. И подвыпивший наборщик, за которым, вероятно, шли от самого бара, поскольку в бумажнике у него зелень, ведь вчера была получка.

Если обо всех этих несчастных писать в газетах, у людей сложится плохое впечатление о Чикаго, но умалчивают о них не поэтому. Просто их слишком много. Чтобы попасть в печать, надо быть важной шишкой или умереть как-нибудь необычно. Сексуальный подтекст тоже не помешает.

Возьмем ту девушку, которая проглотила морфин, или йод, или даже крысиный яд. Она могла бы получить свою минуту славы, выпрыгнув с высокого этажа на людную улицу. Еще бы лучше подождать на карнизе, пока не соберутся прохожие. Чтобы копы тебя отговаривали, а газеты успели прислать фотографов. Тогда можно прыгать, и разбиваться в лепешку, и лежать на тротуаре с задранный юбкой.

Я оставил газеты на скамейке и вышел постоять на Мэдисон-стрит. Газетчики, в общем, не виноваты — они дают читателю то, что он хочет. Виноват этот город и его жители. Я ненавижу их всех, ненавижу идущих мимо прохожих, особенно веселых и довольных собой. На других им плевать — вот почему в этом городе человек не может добраться от пивнушки до дому, чтобы его не пришибли из-за пары поганых баксов.